

КУЛЬТУРНЫЙ ТРАНСФЕР И ЭТИМОЛОГИЯ¹С. Г. Проскурин²

Освещаются вопросы синтеза переноса информации во времени и пространстве, а также вопросы этимологии лексики индоевропейских языков. Автор концентрирует свое внимание на происхождении пласта лексики, связанного с семантикой медведя в индоевропейских языках. Процесс табуирования лексики, обладающей данной семантикой, связан с особенностями переноса информации из традиции в традицию, или с импортом идей в рамках культурного трансфера. В результате анализа лексики обнаруживается исконный индоевропейский корень, который в силу своей табуированности в отдельных индоевропейских традициях, в частности в древнеанглийской, подвергается замещениям. Показано также, что культурным трансфером обусловлено происхождение философской лексики из терминов ремесел.

Культурный трансфер отвечает за выбор лексических переносов и определяет новые возможности для топикальных словарей, поскольку демонстрирует структурную конвертацию знания в различных вариантах. Переносы информации лежат в области отношений конкретного к абстрактному, определяя тем самым эволюционные линии исторической семантики.

Ключевые слова: культурный трансфер, этимология, историческая семантика, перенос, табу.

«Под культурным трансфером понимается процесс переноса знаний между разными культурами, профессиональными сообществами и дискурсами... методология культурного трансфера предполагает исследование механизмов “культурного перемещения” смыслов — тех концептуальных трансформаций, которые возникают при их “импортировании” и “экспортировании” из одной культуры в другую» [3, с. 15].

В древних индоевропейских текстах, а также в лексических реконструкциях основных концептов индоевропейского мира нередко обнаруживаются не архетипы, а уникальные с точки зрения отдельных культур явления. Так, др.-англ. слово *neorxenaþwong* ‘рай’ не имеет лексических соответствий в остальных древнегерманских языках, как и в других индоевропейских диалектах. Долгое время оно оставалось предметом контroversз этимологов, которые, как правило, исходят из презумпции единственности индоевропей-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

² Новосибирский национально-исследовательский государственный университет, 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, 1; Новосибирский государственный технический университет, 630073, Россия, Новосибирск, просп. К. Маркса, 20.
doi: 10.5922/2225-5346-2017-3-3

Поступила в редакцию 15.09.2017 г.

© Проскурин С. Г., 2017

ского архетипа, не допуская мысли об уникальности некоторых культурных трансферов. В свое время мы показали двойственность, или двуслойность, семантической реконструкции, где доминирует некое общее концептуальное содержание (мифологическое, культурное и т.п.), которое на более низком, или более конкретном, уровне воплощается в двух видах: с одной стороны, в лексическом архетипе (к которому, в свою очередь, на еще более конкретном уровне отдельных языков могут восходить разные слова, связанные единым корнем), а с другой — в уникальных концептах в некоторых ареалах или даже в каком-либо одном из них. Эти уникальные концепты не имеют ничего общего с лексическим архетипом первого вида, но, как и он, восходят к единому концептуальному (мифологическому, культурному) архетипу [2].

Реконструкция искомого концепта «рай» начинается с определения знания, стоящего за словом. Ключевым аспектом культурного трансфера выступает образ медведя, который часто табуируется в индоевропейских культурах.

«Как и следовало ожидать, вследствие своей культовой значимости первоначальное название медведя табуируется в разных индоевропейских культурах, в частности славянской, где первоначальная индоевропейская лексема со значением ‘медведь’ заменяется описательным наименованием по признаку склонности животного к сладкому, к лакомству: рус. медведь, ц.-слав. медвѣдь, чеш. medvěd из и.-е. med^hu-et^h-- → праслав. medvĕd-i ‘поедатель меда’, ср. др.-инд. madhuvad ‘едающий сладкое’.

В германской традиции, где ‘медведь’ является наряду с ‘волком’ одним из основных священных животных, табуирование осуществляется посредством замены первоначального названия ‘медведя’ описательным по признаку цвета бурого медведя; возникает термин, восходящий к индоевропейскому *b^hleg- ‘коричневый’: др.-в.-нем. bero ‘медведь’ (нем. Bär), др.-англ. bera (англ. bear), др.-исл. björn. Наряду с этим в германском засвидетельствован описательный термин типа славянского: др.-англ. Beowulf ‘медведь’ (досл. ‘пчелиный волк’).

В балтийских языках возникает другой эвфемистический термин для медведя, который может быть фонетически значительно видоизмененной формой первоначального индоевропейского названия: прус. Plok в Plokunreik ‘медвежье болото’, от klokis (лит. lokys, латыш. lācis ‘медведь’). Обращает на себя внимание то, что замена первоначального наименования ‘медведя’ происходит в балто-славяно-германском ареале, что указывает на большую культовую значимость медведя в этой области по сравнению с другими индоевропейскими» [1, с. 498].

В древнегерманском язычестве медведь выступает культовым символом природного начала. В англосаксонской традиции медведь относится к числу священных животных, отчего его имя табуируется или заменяется описательным. С учетом вышесказанного наша этимология обозначающего рай слова *neorxepawong* как *земли мертвых медведей* гармонично вписывается в широкий лингвокультурный контекст. Мы членим первый компонент так:

нео-гхе-(на) и видим во втором корне отражение одного из древнейших имен медведя, сохраненное, в частности в др.-инд. rksah, др.-греч. ἄρκτος, лат. ursus.

Аргументом в пользу такого членения служит название противопоставленной раю зоны «загробного мира» — ада, в общепринятой этимологической трактовке содержащее элемент нео-: нео-w(o)legenīru букв. ‘мертвое поле’, ср. др.-англ. wael ‘поле мертвых (после битвы)’. В слове *neorxena Wong* первый компонент нео, в свою очередь, соотносится с англосаксонским нео ‘труп’, ‘мертвое тело’, ср. др.-англ. neofugol ‘ястреб’, букв. ‘мертвая птица’. Таким образом, мы предлагаем этимологию *neorxena Wong* как «земли мертвых медведей (героев)». Символизация «загробного мира» как «земли мертвых медведей (героев)» относится к эзотерической сфере — глубинному пласту верований охотничьих культур, предполагающей особую мистическую связь тотема и племени (ср. неолитический образ медведя — царя диких животных). Ассоциация воина с хищным животным отражала противопоставление членов мужского союза обществу в целом, что, в частности, находило, по видимому, отражение в древнегерманских представлениях о связи загробного мира с культом героев, ср. др.-исл. Valhöll ‘дом мертвых героев’. Ассоциация загробного мира с местом будущей жизни героев представляется в нашей реконструкции естественной, поскольку основывается на культовом представлении англосаксов о герое-медведе, ср. Beowulf, а также др.-англ. beorn > bern, burn ‘человек, воин, герой’ и др.-исл. björn ‘медведь’.

Перенос, или импорт, идей в виде словоформ составляет сущность культурного трансфера. Культурный трансфер образа медведя связан с типологически общим явлением в индоевропейских культурах — с принципом табуирования. В целом словоформы сохраняются согласно предсказуемому алгоритму — мы обнаруживаем замены, описательные слова, субституты. Весь процесс осуществляется в результате «дружественного» переноса информации из культуры в культуру. Так, индоевропейские алгоритмы обнаруживаются в русской культуре, где образ медведя предстает в виде описательного имени «едящий мед» — *медв-едь*. Любопытно, что древнейший табулируемый корень в русской культуре присутствует в «ученых» словах *Арктика* (букв. ‘страна, где живут медведи’) и *Антарктика* (букв. ‘страна, где не живут медведи’). Таким образом, древнейший замещаемый корень, подвергшийся табуированию в русской культуре, был ею заимствован путем культурного трансфера, благодаря чему воссоздается индоевропейский контекст функционирования индоевропейского слова.

В современной культуре проблема конвертируемости знаний между разными культурными практиками и научными теориями в гуманитарном знании отвечает сложившейся современной ситуации. Порой необходимо прибегать к интеграции знания в различных областях. Этому способствует адаптация, сближение знаний путем импорта или экспорта идей. Такой экспорт, носящий характер культурного трансфера, весьма напоминает этимологические практики минувших эпох. Особый характер приобретает перенос информации из одной среды в другую.

Реконструкция же праформ представляется нам вторичной операцией, производной от первоначальной реконструкции культурных концептов. Так, культурные трансферы привели к тому, что многие философские термины оказались производными от терминов ремесел. Концепт «материя» восходит к терминологии древнейшего ремесла — обработки дерева. Греч. ὄλη ‘материя’ (у Аристотеля и др.) имеет своим первым значением ‘лес’, затем ‘срубленное дерево, древесина’ и наконец ‘материал’. Лат. *materia*, происходящее от *mater* ‘мать’, означает первоначально ‘маточную часть дерева, главную часть древесины’, затем ‘дерево как строительный материал’, затем ‘материал вообще’ и наконец ‘основу, первопричину, материю в философском смысле’. Английское *matter* очевидным образом восходит к этому латинскому термину.

Испанский язык хранит одновременно два этапа развития одного и того же слова: *madera* ‘древесина’ (восходящее к лат. *materia* ‘материя’ в его первом и древнейшем значении) и *materia* ‘материя’ как философский термин. В эволюционной программе ремесел отмечается культурный трансфер слоев, обозначавших эти ремесла. Прimitивная обработка дерева предшествует плетению, а плетение, в свою очередь, отделено от лексических пластов *ткацкое дело* и *гончарное дело*. В результате словоформы примитивной обработки дерева встречаются в более поздних слоях ткацкого ремесла. Соответственно, наука и научные термины имеют в своем основании многочисленные примеры примитивных ремесел.

Так, концепт «основа» восходит к терминам ткачества. Русское «основа» в первом значении ‘основа ткани’ является производным от глагола *сновать* ‘бросать, вбрасывать нить и уток в основу ткани’. Таким образом, философские термины берут свое начало в терминах ремесел и могут моделироваться как формы культурного трансфера в диахронической перспективе.

Итак, лингвокультурный трансфер может иметь свои истоки в глубине традиции и затем развиваться по горизонтали в синхронии и по вертикали в диахронии. Например, индоевропейское имя медведя хорошо засвидетельствовано в ряде индоевропейских традиций, тогда как в других оно табуируется. Даже там, где протоимя медведя представлено на более поздних этапах эволюции языка, мы можем регистрировать общеиндоевропейский сценарий развития семантики слова. Общая диахроническая перспектива культурного трансфера пересекается с синхроническими пластами табуируемой лексики. За этой перспективой просматривается весь сценарий развития семантики слова *медведь*. Культурные трансферы в развитии философской лексики также действуют в диахронической перспективе, выдвигая на первый план слоевой характер формирования философской терминологии. В основе индоевропейских терминов философии оказываются культурные пласты, отвечающие за перенос информации по вертикали в диахронической перспективе.

Культурный трансфер и этимология — это богатый источник идей для исследования семантических перспектив в традициях. Обращаясь к культурному трансферу, мы более четко представляем процессы перемещения информации и более точно формулируем законы развития лексического состава

ва языка. Этимологизации могут брать начало глубоко в традициях, и на их примерах можно наблюдать развитие представлений на базе переносов информации из одной среды в другую среду.

Представленные этимологии базируются на общей теории архетипов, когда общеиндоевропейский корень рассматривается как более или менее универсальный для традиции. На базе этого универсального корня формируется сеть переносов информации из традиции в традицию, или сам этот корень-архетип замещается другими корнями, которые отвечают за функционирование слов родственной семантики. Влияние этого универсального корня так велико, что он может реализовываться параллельно с замещаемыми корнями и выступать в виде составляющей общеиндоевропейского сценария развития слова.

Культурный трансфер можно исследовать с позиции топикальных словарей, определяя тему переносов в формировании определенных пластов лексики. Так, философские термины в глубинной перспективе связываются с терминами плотницкого ремесла и ткачества, что уже само по себе интересно для определения направления конвертации знания в индоевропейских традициях. Переносы информации лежат в области отношений конкретного к абстрактному, определяя тем самым эволюционные линии развития исторической семантики.

Итак, тема культурных трансферов и этимологии представляется чрезвычайно важной для развития исторической семантики и определения линий переносов информации.

Черпая свои факты из исторической семантики, топикальные словари могут существенно обогатиться благодаря обращению к теме культурного трансфера. В каком-то смысле можно говорить о структурном трансфере исторической семантики и определять перспективные сценарии функционирования слов в традициях. Трансфер интегрирует этимологии и дает важный импульс развитию исторической семантики в целом, поскольку позволяет проинтерпретировать границы семантики в их исторической перспективе. В настоящей статье мы обратились лишь к двум сценариям: сценарию развития индоевропейского имени медведь и сценарию общеполитологической лексики в связи со слоями ее происхождения. Такие исследования культурного трансфера и этимологии оказываются весьма плодотворными для создания предсказуемости эволюции терминов в исторической перспективе.

Список литературы

1. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. Т. 2.
2. Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. М., 1993.
3. Феценко В.В., Бочавер С.Ю. Теория культурных трансферов — через cultural studies — к теоретической лингвистике // Лингвистика и семиотика культурных трансферов : монография. М., 2016.

Об авторе

Прокурин Сергей Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации Гуманитарного института, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет; профессор кафедры иностранных языков гуманитарного факультета, Новосибирский государственный технический университет, Россия.

E-mail: s.proskurin@mail.ru

Для цитирования:

Прокурин С.Г. Культурный трансфер и этимология // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8, №3. С. 60–66. doi: 10.5922/2225-5346-2017-3-3.

CULTURAL TRANSFER AND ETYMOLOGY

S. G. Proskurin^{1, 2}

¹ Novosibirsk State University.

1 Pirogova Str., Novosibirsk, 630090, Russia.

Novosibirsk State Technical University.

² 20 Karla Marksa Str., Novosibirsk, 630073, Russia

Submitted on September 15, 2017

This article considers the synthesis of information transference in space and time and examines the etymology of Indo-European lexis. The author pays attention to the origin of the lexis connected with the 'bear' semantics. The bear taboo was developing against the background of information passed on from one tradition to another and of ideas imported within cultural transfer. The analysis reveals the original Indo-European root for 'bear', which was tabooed across different Indo-European traditions, including in Old English. The article shows that cultural transfer explains the fact that philosophical lexis originates from handicraft terms.

Cultural transfer determines the choice of lexical transferences and creates new possibilities for topical vocabularies through demonstrating different paradigms of the structural exchange of knowledge. Transferences belong to the realm of transition from the concrete to the abstract and determine the evolutionary lines of historical semantics

Key words: cultural transfer, etymology, historical semantics, transference, taboo.

References

1. Gamkrelidze, T.V., Ivanov, V.V., 1984. *Indoeuropeiskii yazyk i indoeuropeitsy. Rekonstruktsiya i istoriko-tipologicheskii analiz prazyzka i protokul'tury* [Indo-European language and Indo-Europeans. Reconstruction and historical-typological analysis of proto-language and protoculture]. Tbilisi. Vol. 2.

2. Stepanov, Yu.S., Proskurin, S.G., 1993. *Konstanty mirovoi kul'tury. Alfavitnyye teksty v periody dvoeveriya* [Constants of world culture. Alphabets and alphabetical texts during the periods of the dual faith]. Moscow.

3. Feshchenko, V. V., Bocharov, S. Yu., 2016. The theory of cultural transfers – through cultural studies – to theoretical linguistics. In: V. V. Feshchenko, ed. *Linguistika i semiotika kul'turnykh transferov* [Linguistics and semiotics of cultural transfers]. Moscow.

The author

Prof Sergey G. Proskurin, the Department of Cross-Cultural Communication, the Institute for the Humanities, Novosibirsk State University; the Department of Foreign Languages, the Faculty for the Humanities, Novosibirsk State Technical University, Russia.

E-mail: s.proskurin@mail.ru

To cite this article:

Proskurin S. 2017, Cultural Transfer and Etymology, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 8, no. 3, p. 60 – 66. doi: 10.5922/2225-5346-2017-3-3.